Шаринова Э., Шаринова Р., Эркебаев Э.

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Суверенитет составляет одну из основополагающих сущностных характеристик государства, особенно же в современных условиях глобализирующегося мира и своего рода ренессанса Национального государства. Суверенная власть не зависит от какой-либо иной власти, наоборот, все остальное зависит от нее, берет свою легитимность от нее. Государство может быть только суверенным.

Суверенитет – основополагающий критерий государства. Он определяет само бытие государства, призван обеспечить унификацию, единение, самоопределение и функционирование властной системы и служит критерием различения государства от догосударственного состояния.

Значимость и универсальность суверенитета состоит в том, что государству всецело принадлежит верховная власть над всеми другими ее конкретными формами и проявлениями на всей территории, на которую распространяется юрисдикция данного государства. По понятным причинам, наиболее подробным образом проблема суверенитета освещена в юридической науке, в которой суверенитет определяется следующим образом: «Суверенитет (от фр. *souverainete* – верховная [власть](#); англ. *sovereignty*) – верховенство и независимость [власти](#). Различают:

1) государственный суверенитет – как верховенство государственной [власти](#) внутри страны и ее независимость во внешнеполитических отношениях. Термин «суверенитет» в государственно-правовом смысле был впервые введен во Франции в XVI в. Ж. Боденом, который определял суверенитет как верховенство и независимость его единственного носителя – [монарха](#). Принцип суверенитета – один из основных принципов [международного права](#), получивший юридическое закрепление в [Уставе ООН](#) (ст. 2). Верховенство и независимость как суверенные [свойства](#) государственной [власти](#) выражают ее политико-правовую сущность и проявляются в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности [государства](#);

2) национальный суверенитет как полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер национальной жизни, включая прежде всего способность политически самоопределяться вплоть до отделения и образования самостоятельного [государства](#). Полновластие нации проявляется в реальной возможности самостоятельно и суверенно решать вопросы, относящиеся к ее национальной свободе, государственно-правовой [организации](#), взаимоотношениям с другими нациями и народностями и др. Каждая нация вправе сохранять и свободно развивать свой [язык](#), [обычай](#), традиции, иметь соответствующие

национальные [учреждения](#) и т.п.;

3) народный суверенитет как полновластие народа, т.е. обладание народом социально-экономическими и политическими средствами, всесторонне и последовательно обеспечивающими реальное участие всех социальных групп и слоев в управлении делами общества и [государства](#)¹.

Традиционно в политико-философской мысли «суверенитет» связывали с государственностью. Концепция абсолютности и неделимости суверенитета восходит к Т. Гоббсу, который в своем «Левиафане» не усматривал никакой власти выше государственной. «Во всех политических телах, – писал английский философ, – власть представителей ограничена. И в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных.

Поэтому всякий другой может быть представителем части этих подданных лишь в той мере, в какой это разрешается сувереном. Но разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты»².

Г. Гегель уделил много внимания проблеме суверенитета, обосновывая неограниченность государственного суверенитета. Кульминацией идеи государства, по Гегелю, является идеальность суверенитета, который выступает как абсолютная власть идеального целого над всем единичным, особенным, конечным. «Особенные функции и власти государства, – указывает Гегель, – не имеют самостоятельной и прочной основы ни для себя, ни в особенной воле индивидов, а имеют свой последний корень в единстве государства в качестве их простой самости, составляют суверенитет государства»³.

Осуществляя диалектический подход к проблеме государства, Гегель трактует государство как живой организм, в котором воплощается органически целостная свобода государственно-организованного народа. Свобода, право, справедливость действительны, по Гегелю, лишь в государстве, соответствующем своей идее. Последовательно развивая идею суверенитета государства, Гегель с необходимостью возвышает его над индивидом и обществом и таким образом отрицает самостоятельную ценность прав и свобод личности. Идеальным государством, по Гегелю, является правовое государство, с такой организацией свободы, в которой механизм

насилия и аппарат политического господства опосредованы и ограничены правом, функционируют лишь в государственно-правовых формах, оптимальное осуществление которых возможно, по Гегелю, в условиях монархической формы правления. По этой причине Гегель подвергает критике демократическую идею демократическую идею народного суверенитета и подводит философское основу суверенитета наследственного конституционного монарха. «О народном суверенитете можно говорить в том смысле, – писал Гегель, – что народ вообще является по отношению к внешнему миру самостоятельным и составляет собственное государство... Можно также говорить и о внутреннем суверенитете, принадлежащем народу, если вообще говорить о целом.... Народ, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство и не обладает больше ни одним из определений, наличных только в сформированном внутри себя целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было»⁴.

В реальном своем воплощении неограниченность государственного суверенитета, которую обосновывал Гегель, имела своим следствием тоталитаризм и экспансионизм, поскольку, государство, располагая неограниченной властью, могло и на деле часто пренебрегало правами как собственных, так и граждан других государств. По сути, имея в виду данное обстоятельство, И. Кант, указывал на то, что «...каждое государство видит свой суверенитет... именно в том, чтобы не быть подчиненным никакому внешнему законному принуждению, а слава верховного главы государства состоит в том, что в его распоряжении находятся тысячи людей, которыми он, не подвергаясь лично никакой опасности, может жертвовать для дела, которое их совершенно не касается. И отличие европейских дикарей от американских состоит главным образом в том, что, в то время как многие племена последних целиком были съедены их врагами, первые умеют лучше использовать своих побежденных, чем просто съедать их, и предпочитают увеличивать ими число своих подданных и тем самым количество орудий для войны в еще более широких размерах»⁵.

Создавая свой философский проект «К вечному миру», Кант усматривал нечто дурное, порочное само по себе в стремлении государств и тех, кто возглавлял их, «в том, чтобы не быть подчиненным никакому внешнему законному принуждению», не пытаясь подвести под данное утверждение онтологические основания. Его же базовое понятие в системе нравственных отношений (категорический императив), фиксирующее общезначимое нравственное предписание, имеющее силу безусловного принципа человеческого поведения, находилось в явно несогласованном состоянии с действительным положением вещей, именно когда речь шла о взаимоотношениях государства и его подданных, и особенно о взаимоотношении самих государств. Нравственность, которая, по Канту, могла и должна была быть абсолютной, всеобщей, общезначимой, то есть иметь форму закона, в реальной жизни не только не принимала желаемого облика, а как раз содержала в себе нечто противоположное.

Литература:

1. Артыкбаев М.Т., Артыкбаев А.М. Политическая система в «открытых» и «закрытых» обществах (современный анализ). – Бишкек, 1998.
2. Бейшембиев Э.Д., Джунушалиев Д.Д., Плоских В.П. Введение в историю кыргызской государственности – Бишкек, 1994.
3. Бокоев Ж.А., Жумалиев А.Д. Политическое развитие Кыргызстана (20–30-е годы)–Бишкек, 1994.
4. Бурубашов Б.И., Галиева З.И. История государства и права Кыргызской Республики. – Бишкек, 2003.
5. Джунушалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000. – №3 (9).
6. Джунушалиев Д.Д. Исторические этапы кыргызской государственности (III в. до н.э. – XIX в.). – Б., 2003.
7. Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия / Из кн.: Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003.
8. Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003.
9. У истоков кыргызской национальной государственности. – Бишкек, 1996.
10. Укушев М.К., Бакаев Ж.А. Президент Кыргызской Республики. – Бишкек, 1997.
11. Урмамбетова Ж.К. Мышление кыргызов в проекции философии истории. -Бишкек, 1997.
12. Элебаева А.Б. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии: динамика развития. – Бишкек, 2001.

Рецензент: д.филос.н., профессор Артыкбаев М.Т.